

„БЕЛЯЕВСКИЕ ПЯТНИЦЫ“ в доме на Николаевской, 50. Кто в музыкальном Петербурге не знал этих увлекательных творческих собраний! Совместное музицирование, непринужденные дружеские беседы и споры об искусстве объединяли в этом доме и кипучую молодежь во главе с Глазуновым и Лядовым, и маститых представителей старшего поколения — Римского-Корсакова, Стасова, Бородина. Душою кружка был М. П. Беляев, по словам Римского-Корсакова, «мecenат, издатель, устроитель концертов и хлебосол», страстный поклонник русской музыки.

Играли главным образом камерную инструментальную музыку, старую или только что написанную. Спорили, но без той яростной запальчивости, какая десятилетия два назад царила на встречах участников прославленной «Могучей кучки». Да и самый кружок лишь весьма отдаленно напоминал боевое содружество балакиревцев-шестидесятников, порожденное эпохой бурного общественного подъема.

Сейчас было иное. Ушли времена, когда право на национальное искусство пядь за пядью приходилось отвоевывать в ожесточенной борьбе. Прославленная, всемирно признанная русская школа теперь развивалась, так сказать, вглубь. Вопросы мастерства, стиля, композиторской техники казались теперь не менее важными, чем борьба за новые горизонты, «новые берега» русской музыки. Но композиторам 80—90-х годов порой недоставало боевого духа, свойственного «Могучей кучке», снизился интерес к демократическим жанрам музыкального искусства — опере, романсу, песне.

Эпос, сказка, образы средневековой романтики, морально-этические проблемы, разрешаемые средствами «чистой» инструментальной музыки — симфонической и камерной, — вот что преимущественно привлекало к себе внимание композиторов.

В этот период складывалось творческое мировоззрение А. К. Глазунова. Верный последователь балакиревской школы, Глазунов в новых и сложных исторических условиях развивал лучшие прогрессивные традиции русской музыкальной классики.

Произведения Глазунова, созданные им к исходу прошлого столетия, — народно-эпическая поэма «Степняк Разин», симфония, балет «Раймонда», волнующий глубоким лиризмом концерт для скрипки — по силе обобщения, по глубине охвата жизни, бесспорно, принадлежат к вершинным достижениям русской художественной культуры, сродни романам Толстого, полотнам Васнецова или Сурикова, героическому театру Ермоловой или Шаляпина.

Он служил родному искусству не одним только пером композитора. Исполнитель-дирижер, горячий пропагандист достижений русской музыки, неутомимый педагог — профессор и бессменный директор Петербургской консерватории, талантливый организатор, энергичный общественно-музыкальный деятель...

В самые юные годы, на заре творческого пути ему посчастливилось принять эстафету великого реалистического искусства на рук своих учителей и духовных наставников — Римского-Корсакова и Балакирева. С честью пронес он их заветы через десятилетия: от «отцов» к «внукам». В дни Октября он без колебаний занял место в рядах строителей молодой социалистической культуры, без остатка отдавая этому благородному делу весь свой талант, всю силу художественного авторитета, всю свою кипучую энергию. Народ высоко оценил его заслуги. В 1922 году сорокалетие творческой деятельности Глазунова было отмечено высокой наградой Советского правительства: почетным званием народного артиста республики.

„ЛЮБИТЕ ли вы Глазунова?“ Иногда на этот вопрос вы услышите такой ответ: «Нет. Не люблю, не волнует. Слишком спокоен». Безошибочно можете предположить в вашем собеседнике натуру нервную и порывистую. Из тех, кого в искусстве захватывают только сильные эмоциональные взрывы, обостренная конфликтность, скажем, произведений Чайковского или экспрессивный, порывистый язык Шостаковича.

Но рядом живет музыка иного склада, не менее правдивая и значительная: искусство

сосредоточенной мысли, искусство, которое помогает нам постигать гармоничность мира, красоту и ценность окружающей нас жизни.

О чем же повествует эта музыка — мудрая, согретая дыханием русской «равнинной» песенности? О мужестве и созидании. О благородных помыслах и широте души. О силе духа народного. О природе. Об истории. О человеческом в человеке. И еще о многом.

Неповторимо своеобразна красота глазунских мелодий, таких гибких и пластичных, что кажется, они рождены для зрительного воплощения на балетной сцене. Художник ясного логического мышления, он обладал точнейшим чутьем стройной и гармоничной музыкальной формы, неистощимой изобразительностью в искусстве сочетания голосов-мелодий.

Партитуры его симфоний, особенно поздних, содержат порой настроения противоречивые и сумрачные. Но в светлой палитре композитора такие моменты переходящие, не ими определяется его художественное мировоззрение. Пушкинское «Да здравствует Солнце». «Да здравствует Разум!..» из чудесной «Вакхической песни» можно смело поставить эпиграфом ко всему наследию композитора. И, может быть, особенно ценным было появление такой музыки, полной неиссякаемого жизнелюбия, именно на рубеже двух столетий, среди декадентских метаний, «поисков», среди пессимизма и разочарования, охвативших значительную часть русской художественной интеллигенции в зловещие годы безвременья и полицейских репрессий.

И если вам захочется ощутить такого, подлинного Глазунова, знакомьтесь с ним прежде всего по ярчайшему из его произведений — Пятой симфонии, написанной в 1895 году.

С ПЕРВЫХ ТАКТОВ вступления определяется «лицо» симфонии, уверенная поступь, эпический размах ее музыки. Медленно, из глубин поднимается сосредоточенно-величавая мелодия. Погружаемся в этот полнозвучный, неторопливый поток, и сразу чувствуется: речь пойдет о чем-то значительном и светлом.

Нагнетания — спады, приливы — отливы. И вот уже рельефно «вычертилась» главная, ведущая мысль первой части: броская, устремленная вверх, как богатырский клич, как призывный сигнал. По существу это та же мелодия вступления, но вдвое ускоренный темп сразу снимает характер «истовой» величавости, придает ей подвижность и энергию.

Тема разворачивается свободно, стремительно, пока не разливается на пути этого потока светлое озеро — начинается другая тема. В ней уже совсем нет экспрессии, только пение — мягкое, по-русски трогательное, в мерцающих бликах светотени.

Автор нетороплив. Он позволяет «высказаться», развернуться шире и этой лирической теме. Затем соединяет ее с первой и вдруг обнаруживает внутреннюю близость, родство обеих «действующих лиц» первой части. Две мелодии звучат одновременно, в единой, удивительно красивой, «дышащей» звуковой ткани. Слух, даже самый неозоренный, легко различает каждую из них в отдельности. Вот они поменялись местами — верхний голос становится нижним: еще одна «предусмотренная неожиданность», свидетельство великолепной композиторской техники.

Все насыщеннее звучит оркестр, все больше вокруг света и воздуха. Слиянием обеих тем в едином струящемся светлом потоке завершается первая часть.

Так от сосредоточенно-суровой раздумчивости первых тактов вступления автор приводит нас к утверждению солнечных, светлых начал, к ощущению гармоничности и радости жизни.

В скерцо 5-й симфонии раскрылся в полном блеске талант непревзойденного музыканта-хореографа, будущего автора «Раймонды» и «Барышни-служанки», мастера звуковых образов-движений, образов-жестов. Эта музыка — апофеоз изящества, остроумной игры, пластичности — требует ювелирной исполнительской техники. Легчайшие флейтовые пассажи, подгоняемые «уколами» струнных, сверкают, как много-

цветная радуга: слух еле успевает улавливать прихотливую смену их очертаний. Мне слышится здесь перезвон весенней капели — пополам с птичьим гомоном. Возможны и иные сравнения. Просто музыка скерцо так образна, ослепает пластично, что порождает самые причудливые и, порою, противоречивые ассоциации.

Внезапно остановка: маленький марш. «Не всамделишный», игрушечно-кукольный. Но сколько в нем чисто русской душевной прелесть! И ничего таинственного, все очень земное...

Вот и еще один поворот музыки. Теперь она становится грубовато-размашистой. Незатейливый пастуший наигрыш. Восхитительная игра контрастов — поэтичность в сочетании с лукавым юмором, шуткой.

Снова искристый рой сказочных видений. Всего несколько мгновений (скерцо длится очень недолго!), и последние «невесомые» аккорды мелькнули, растаяв где-то в вышине.

Анданте 5-й симфонии покорила широтой, открытостью лирического чувства. Это как бы взгляд «внутрь себя». Постарайтесь удержать в памяти мелодические очертания начала: несколько вступительных аккордов, полных скрытой тревоги и напряжения.

Основная тема анданте — проникновенная мелодия-романс, полная трепетного дыхания и глубокой человечности. Вот ее у виолончелей перехватили «деревянные» и подняли высоко-высоко, почти отделив от мерных аккордов сопровождения: так она легче слышится!

Напев разливается медленно, уступ за уступом, волна за волной. В этой нарастающей напряженности эмоционального тока не сразу улавливаются угрожающие нотки. Но вот — предвестие беды: роковые возгласы тромбонов. (На них-то и следовало обратить внимание еще в начале анданте!).

С чем сравнить этот неожиданный поворот событий? С грозой в безоблачный полдень? С тяжелым камнем, взмывшим над водную гладь? Или с мрачным известием среди безмятежного душевного покоя?

Зловещи и тревожны прерывистые аккорды «меди»... Как рябь на поверхности, разбегаются в стороны от них брызги-капельки. И даже возвращающийся лирический напев принимает теперь скорбную, почти драматическую окраску.

Но ненадолго: миновала гроза, рокового «поворота» так и не случилось. Мир светел — уверяет нас композитор. Кратковременный натиск темных сил, вспыхнувшие страдания могут лишь настроить, предостеречь, мобилизовать волю. Но не изменить мудрые законы жизни. Доброе и светлое решительно торжествует в ней.

И еще большим упоением счастья, мудрым «глазуновским» спокойствием дышит широкая мелодия, завершающая эту маленькую вдохновенную лирическую поэму.

Мгновенно, словно в настежь распахнутые окна, врывается шумное, разноголосое ликование праздника: финал симфонии!

Припомните, не случилось ли вам слышать эту музыку по радио в дни торжественных трансляций — без объявления, просто как безымянную музыкальную заставку? Это случается часто. И не удивительно: композитору удалось «вобрать» в музыку этого финала и простор праздничных площадей, и поступь колонн, и могучую, стихийную радость коллективного танца.

Ощущение «пространства», присутствия многолюдной толпы возникает сразу же, с первых «шумных» тактов этой части. Все движется в веселом круговороте, а незримые лучи остро выхватывают из этой суетливой праздничной толпы характерные группы, сценки, эпизоды...

Необычайно обилие «оттенков праздничного» в этой музыке: молодецкая пляска с прытопами, шутливое поддразнивание, взрывы хохота, а то и песня под балабайку — привольная, чуть подернутая печалью... И снова радость — буйная, безоглядная. Апофеоз — гимн жизни человеческой.

Вот где во всем богатстве раскрываются волшебные свойства глазуновской оркестровой палитры — сочной, массивной и многоплановой! Могучий, «колокольный», богатырский финал сияющим куполом венчает стройное здание Симфонии.

П. ШОКАЛЬСКИЙ.

„Могучей кучке“ посвящается
Г. МОСЧЕНА
10 АПР 1965